

Виктор Астафьев

Дядя Кузя – куриный начальник

*Часть сборника
Печальный детектив (сборник)*

Виктор Петрович Астафьев

Дядя Кузя – куриный начальник

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135230
Печальный детектив: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-46235-3*

Аннотация

«Село дворов на пятьдесят рассыпалось по берегу реки. От села на лед стекает санная дорога, а к прорубям прострочены тропинки.

Над селом дымы стоят, каждая труба густо курится. На окраине села, потонувшая в снежных сугробах, стоит птицеферма. Снег свисает с ее прогнутой крыши валами. Снег завалил до половины продолговатые, испачканные изнутри стекла.

За птицефермой, шагах в ста, лес начинается. Лес тоже занесло снегом. Стоит он неподвижно, завязив лапы в сугробах. Тишина и сон в нем таятся...»

Содержание

Знакомство с дядей Кузей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Астафьев

Дядя Кузя – куриный начальник

Знакомство с дядей Кузей

Село дворов на пятьдесят рассыпалось по берегу реки. От села на лед стекает санная дорога, а к прорубям прострочены тропинки.

Над селом дымы стоят, каждая труба густо курится. На окраине села, потонувшая в снежных сугробах, стоит птицеферма. Снег свисает с ее прогнутой крыши валами. Снег завалил до половины продолговатые, испачканные изнутри стекла.

За птицефермой, шагах в ста, лес начинается. Лес тоже занесло снегом. Стоит он неподвижно, завязив лапы в сугробах. Тишина и сон в нем таятся.

Одна ель отбилась от семьи лесной, маячит среди поляны, обдута ветрами, без снежной шубы, голая, зыбкая. Прилетит на нее ворона, сядет на вершину и, по-старушечьи нахохлившись, задумается. Думает, думает и заорет на всю округу, но никто ей не откликается, и она смолкает, недовольная жизнью, тягучей зимой, и смотрит на птичник, мечтая о том

времени, когда его откроют и можно будет возле кур едой поживиться да подразнить смешного волосатого старичонку — хозяина птичника.

Хозяин этот, дядя Кузя, шагает рядом со мной в подшитых валенках и оступается на узкой, плохо натопанной дорожке. Он в полушубке, туго-натуго перетянута солдатским ремнем. Дядя Кузя немного косолапит, и валенки его стоптаны вовнутрь. Лицо у дяди Кузи кругленькое, морщинистое, и потому, должно быть, кажутся огромными усы, подкуренные трубкой. На узенькие, но зоркие глаза его напозла мохнатая рыжая шапка, неизвестно из какого зверя сшитая. Из-под шапки, под стать меху, рыжие вихры заползают и на висках выются, образуя шикарные бакенбарды, которые вызвали бы зависть у молодых франтов, что ходят с гитарами по улицам городов. Но дяде Кузе эти бакенбарды совсем ни к чему.

Тем более что при всей такой буйной растительности под шапкой у дяди Кузи не растет ничего — лысина там. И смех и грех — разбрелся дурной волос где не надо, а голова — как куриное яйцо.

Но деревенские остряки давно уже затупили языки об эту лысину и оставили в покое дядю Кузю. Возраст его уже не тот, чтобы смеяться над ним. Старость на селе все еще почитается, да и трудом вечным заслужил дядя Кузя почтение. Он пенсию уже заслужил и покой, но без работы не может. «Засохну, — говорит, — как корень без земли». Вот и прибил-

ся к птичнику.

Сыновья и дочери у дяди Кузи разлетелись по свету. Старуха померла в позапрошлом году, и дядя Кузя вовсе на птичник перебрался из пустой, онемелой избы.

В то время птицеферма размещалась в стареньком полуразвалившемся телятнике. Как дядя Кузя ездил в город, требовал, ругался, писал жалобы вплоть до Москвы – долго рассказывать. Своего он таки добился. Колхозные куры теперь живут в довольстве и тепле. Живут и не подозревают, что дядя Кузя из-за них испортил кровь не одному начальнику.

Вот и птицеферма. Дядя Кузя обметает голиком валенки, открывает передо мной дверь.

Служебное помещение, иначе говоря, кормокухня, куда мы вошли, была в середине дома. На кухне горит электричество, стены побелены, по углам стоят бочки и ящики с овсом, картофелем, речной галькой, жжеными костями и мелом. Посредине просторной комнаты широкая плита, а за ней, в углу, кровать, заправленная одеялом. Рядом с кроватью стол. К ножкам его приколочены тоненькие планки. Приколочены с таким расчетом, чтобы куры могли просовывать головы в щели.

В этом сооружении дремали три курицы. Одна из них бесильно уронила голову. Дядя Кузя тронул ее пальцем.

– Ну, как ты тут, болезная? – спросил он и пояснил: – Госпиталь под столом-то. – Старик сокрушенно покачал головой. – Болеет птица, каждую зиму болеет. Нет того кор-

му, что по науке полагается. Придется мне опять за удочку браться, витамин добывать.

Я с недоумением взглянул на дядю Кузю: при чем тут удочки?

– Вы раздевайтесь, раздевайтесь. У нас тепло. Я чайшко поставлю. А насчет удочек? Не говорили на селе, что и умом тронулся? Нет? Тут, брат, целая история... – Старик шевельнул усами, улыбаясь, вынул из-за печки ведро. – Иду свою публику кормить. Ежели интересуетесь, милости прошу.

Он зачерпнул из бочки полное ведро овса и шагнул из кормокухни в левую половину птичника. Что там поднялось! Со всех сторон с громким кудяхтаньем полетели куры. Одна курица, с темным кольцом на шее, уселась на плечо дяди Кузи.

Старик горстью разбрасывал вокруг себя овес, и куры кружились белым водоворотом.

Шум, шлепанье крыльев, властные крики петухов.

Дядя Кузя вытряхнул из ведра остатки овса, отошел в сторону, и по полу рассыпался дробный перестук. Птицы успокоились и сосредоточенно работали клювами. Только курица с темным колечком на шее не слетала с плеча дяди Кузи. Она даже умудрялась дремать, поджав лапки.

Пока я привыкал к шуму, дядя Кузя успел заглянуть в ящики, прибитые к стенам, и набрал с десятков яиц.

– Начинают нестись курчонки, – с радостью отметил он. – Сей год пораньше начинают. Вот мы эти первые-то яички: –

в детсад, ребятишкам. Ешь глазунью, сорванцы, наводи тело!

Мы вернулись на кормокухню. Курица, сидевшая на плече дяди Кузи, ловко слетела в бочку с овсом. Там она неторопливо ощипалась и начала с выбором клевать овес.

– Скажи на милость, какая фифа-единоличница! – удивился я.

– О-о, эта курица с ба-альшим характером! – протянул дядя Кузя.

Он опустил четыре вымытых яйца в котелок и поставил на огонь. Будто прислушиваясь к нашему разговору, курица перестала клевать и склонила голову набок.

– Про тебя, про тебя говорю, Касатушка, – кивнул ей головой дядя Кузя и, повернувшись ко мне, добавил: – Между прочим, она льготами пользуется не зазря – несется усердно и балобана помогла победить. Мы его артелью одолели. Да, да, вот эта самая курица заполонила ворюгу балобана, а я его уж доконал. Вижу, не верите. Я вам расскажу потом про такое... Вы думаете, ферма – это курочки да яички. Нет! Здесь, кроме всего прочего, приключений множество и, ежели хотите, есть даже борьба!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.